

За холмом

Дмитрий Шишкин

© 2016

Дмитрий Шишкин

За холмом

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Шишкин Д. П.

За холмом / Д. П. Шишкин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Семья отправляется в путешествие к древним городам. В пути бандиты опаивают их снотворным и сбрасывают с поезда. Отделавшись лёгкими повреждениями, путешественники приходят в себя в новом, непонятном для них мире. Они оказываются в стране, некогда пережившей Великую войну и борьбу с внутренними врагами. Руководит государством Совет старейшин. Конституцию заменяет Великий устный закон, а сакральным источником власти служит таинственный Великий голос. Путешественникам предстоит увидеть, к чему привели эту страну культивируемая ненависть, борьба со всем иноземным и с несогласными, и спасти в этом недружелюбном мире свою любовь и самих себя.

За холмом

Дмитрий Шишкин

©2016

Глава I. Поехали!

Это был обычный старый провинциальный вокзал. Грязный, замызганный, вонючий. Всё вокруг уже изменилось, но здесь дыхание ушедшей эпохи ощущалось повсюду. Запах, непонятно какой и откуда, – такой бывает только на вокзале. Что-то в нём было техническое, дизельное, выхлопное, химическое, что-то сгоревшее, что-то сгнившее. Казалось, будто прямо здесь, в стене или под полом, был замурован умерший тепловоз со своим грузом и пассажирами. Тяжёлая безвкусная и бессмысленная лепнина на потолке и стенах дополняла букет ощущений.

Люди бродили тоже какие-то... с грузом прожитых лет на плечах и печатью былых времён на лицах – озабоченные и суровые. Одни неусыпно следили за сумками – как бы чего не спёрли, другие нервно вышагивали взад-вперёд, будто это приблизит час посадки, третьи безостановочно что-то ели. Не исключено, что часть уникального вокзального запаха именно они и производили.

Многие были одеты экзотически: треть мужчин в пёстрых стёганных халатах, женщины, в такой же примерно пропорции, встречались в хиджабах, часто очень модных, современных расцветок, а лица их были украшены излишне ярким, кричащим о неяркой жизни макияжем. Но основная часть местных была одета во что попало. В целом читалась приверженность спортивному стилю, иногда странно выраженная. Если молодёжь выглядела в основном так, будто одни идут на тренировку, а другие с неё возвращаются – в спортивных костюмах, кроссовках, со спортивными рюкзаками и сумками, то люди постарше мужского пола могли сочетать со спортивной курткой строгие брюки, а женского – с нею же длинную, в пол, юбку. Особо креативные граждане этого независимого от любых модных явлений государства могли носить спортивные штаны с туфлями или кроссовки с платьем.

Меньшая часть мужчин была в серых европейских костюмах. Непонятно, кто и когда ввёл моду в этой жаре носить костюм и почему непременно серый, но эта традиция неизменно соблюдалась всеми, кто имел какое-то отношение к власти либо хотел иметь. Эти мужчины вооружались пухлыми папками или портфелями из натуральной или поддельной кожи – видимо, по мере действительной принадлежности к власти. Что уж там внутри таилось – было неизвестно, потому что на людях эти папки и портфели никогда не раскрывались. Все документы и прочие необходимые вещи носились в карманах пиджаков и брюк, отчего те сильно топорщились. Но сильнее всего топорщились пиджаки в районе таких же обязательных, как папка или портфель, животов. Надеть костюм, если на тебе нет пуза, считалось, наверное, чем-то за гранью приличий. Ни одного человека, по крайней мере, в костюме и без пуза наши путешественники не встретили.

Ах да, наши путешественники. Это была молодая семья: мальчик лет десяти, папа и мама. Одеты в почти одинаковые джинсы, футболки, лёгкие куртки – типичные туристы. Папа и мальчик – в кроссовках, мама – в удобных лёгких туфлях на низком каблуке. Взрослым лет по тридцать, может, с небольшим. Папа уставший, судя по всему, перманентно. Наверняка в двадцать планов было громадьё по покорению мира, но судьба распорядилась иначе: женитьба, рождение сына, работа клерком в банке. Мама – бухгалтер. Самая скучная из всех работ: радость случается раз в квартал, когда сходится дебет с кредитом. Но жизнь ещё не закончилась, она надеется даже на молодого любовника, не такого, как уставший муж, и хорошо бы творческой профессии. Чтобы был креативный, весёлый, романтичный и чтобы была большая

любовь. Не такая, как сейчас – уставшая. А у папы любовница уже есть. Такая же скучная, как он. Они идут после работы к ней домой и молча занимаются сексом. Он мечтает о своём, она – о своём. Вот и вся любовь.

А сын у них другой. У него в глазах радость и любопытство.

Имён у них не было: просто никто никогда не слышал, чтобы они обращались друг к другу по именам. И мама, и папа называли друг друга одинаково. В зависимости от ситуации: зайей, зайкой, иногда солнцем или солнышком и уж совсем редко – золотом или золотцем. Хотя, как упоминалось выше, следов от их прежней любви практически не осталось, но привычки оказались сильнее чувств и переживаний. А в последнее время к этим ласковым прозвищам всё чаще добавлялись новые, ругательные. Чередование «имён» в пылу ссоры могло шокировать любого стороннего наблюдателя, но таковых не было – интеллигентная же семья! А сына звали «сыном», «моим мальчиком», ну и выше перечисленными заячьими «именами», солнечными и золотыми.

Этот городок был не целью поездки, а всего лишь промежуточным пунктом. Поэтому неприятности с несменными трусами-кошельком, вонючим вокзалом и пузатыми, беспрестанно потеющими в серых костюмах местными то ли чиновниками, то ли аферистами – всё это было неизбежной жертвой ради будущего насыщенного впечатлениями отдыха в древних городах. Сыну о них уже были прочитаны длинные лекции, правда, несколько сумбурные. Папа валил в молодую и всё впитывающую голову всю информацию подряд, которую частично вспоминал, а большей частью так же – несвязанными кусками – находил в интернете. Но сын благодарно слушал. Когда-нибудь в его голове всё разложится по полочкам, а пока что там была каша. Страшно интересная каша.

Папа с мамой растерянно жались ближе к стенам, таща туда за обе руки и сына, думая, что так труднее будет вытащить у них деньги и документы. Деньги лежали частично у папы в портмоне, распиравшем передний карман джинсов, частично – у мамы в сумочке, а большая часть была зашита в потайные кармашки у папы на трусах, а у мамы – в лифчике. Здесь, как им рассказали перед поездкой, банковские карточки имели хождение только в столице, да и то в самых дорогих, для заезжих миллионеров, местах. Документы везла мама, которая папе не доверяла, но забыла застегнуть сумочку, когда расплачивалась за кофе и бутерброды в вокзальной забегаловке. Они стояли и озирались, прижавшись к стене, косясь то по сторонам, то на информационное табло. Мама перекинула сумочку на живот, чтобы надёжнее за сохранностью бдеть, и в этот момент заметила, что она раскрыта.

– Заяц! Нас ограбили! – заорала она шёпотом (женщины как-то умеют это делать).

Муж взглянул в широко распахнутые глаза надоевшей давно супруги, хотел ругнуться, но, вспомнив о присутствии сына, фальшиво улыбнулся.

– Ты уверена? Проверь всё хорошо, с-с... солнце моё.

– Да куда уж увереннее, сумка открыта! Ты что, думаешь, что я придумываю? Вот смотри же – сумка открыта, нас ограбили!

– Ну, тогда не ограбили, а обворовали, – невозмутимо ответил грамотный муж. – Ограбили – это когда из рук вырвали, а если тайно – то обворовали!

– Да ты вообще, что ли?! – визг жены становился всё громче и уже начинал привлекать внимание окружающих. – Ты понимаешь, что мы остались без документов в чужой стране, да ещё в такой заднице, куда ты, милый заяц, умудрился нас с сыном затащить?! – она начала мелко трястись и немного успокоилась только после того, как, чуть отвернув голову в сторону, яростно прошипела: «Козёл!».

– Ну поищи же, хватит орать! – муж тоже начал выходить из себя. – Поищи в сумке, может, просто ты забыла закрыть или вытащили только деньги.

Женщина присела на корточки, к ней присоединились муж и сын. Все втроём начали сосредоточенно копать в сумочке. За этим действием с особенным интересом наблюдала тро-

ица, выглядывавшая из-за одной из ближайших колонн. Трое местных мужчин: один в полосатом традиционном халате, двое в серых костюмах. «Традиционный» был ничем не примечателен, как сотни таких же вокруг: упитанное лоснящееся бритое лицо, мягкие кожаные сапоги на ногах, тубетейка. Из тех, что в костюмах, один был с жиденькой папочкой из кожзаменителя, местами облезшего, на лицо тощий, но с непременным пузиком. Костюм был выдавший виды: брюки пузырились в районе коленей, а локти и лацканы пиджака были засалены настолько, что окончательно потеряли первоначальный цвет и отливали рыжим как раз в цвет волос своего обладателя, веснушек, густо усыпавших всё его лицо, и жиденькой бородёнки. Второй в костюме был явно главным в этой компании: и пузо выдающееся, и усы блестящие, ухоженные, и костюм практически новый, и портфель из хорошо выделанной коричневой кожи. Густые чёрные брови главного всё время находились в положении «я недоумеваю, вы кто такие?».

Победный возглас путешественников совпал с громким, монотонным и совершенно непонятным даже для знающих местный язык объявлением по вокзальному радио. В сумке обнаружались документы и деньги, а в тарабарском объявлении – знакомое слово, их станция назначения. Папа попытался отобрать документы себе, но мать вырвала дорожное портмоне из его руки движением, скорости которого позавидовал бы любой фокусник или карточный шулер, закинула его в сумку, одновременно закрыв её на молнию. Отец семейства обречённо пожал плечами и потянулся к чемоданам. Путешественники суетливо похватили багаж и бросились к путям. За ними поспешила и троица подозрительных местных.

Поезд оказался под стать вокзалу. Будто со всей страны собрали самые старые и раздолбанные вагоны, чтобы окончательно вогнать в тоску любого иностранца, решившего поглазеть на те древности, что, несмотря на их почтенный возраст, жемчужинами блистали на фоне окружающего убожества. А может, таков и был замысел – оттенить, так сказать, достопримечательности ещё ярче, но вряд ли, конечно, так можно было специально сделать.

Мальчику всё было нипочём. Он нёсся в ещё более вонючий, чем покидаемый вокзал, вагон, словно на самую лучшую в мире карусель. Мама была сама брезгливость, особенно в тот момент, когда пришлось схватиться за поручень. Папа смиренно тащил чемоданы и старался ни о чём не думать. Когда они скрылись в узком смрадном тёмном чреве вагона, к проводнику подскочили трое преследователей, о чём-то с ним быстро пошептались, сунули в руку мятую купюру и юркнули следом.

Дикторша по вокзальному радио что-то оттараторила, тепловоз незамедлительно дал гудок и выпустил густое чёрное облако дыма, вмиг окутавшее полперрона, поезд дёрнулся и начал быстро набирать скорость. Лихие джигиты-проводники заскакивали на ходу, умудряясь при этом затягивать в вагон и самых бедных несговорчивых «зайцев», торговавшихся за безбилетный проезд до последнего, вместе с их пухлыми клетчатými китайскими сумками.

«Рыжий этот странный. У всех рыжих лица добрые, они как будто отдельная солнечная раса. А у этого лицо подонка и бандита», – тягостные мысли омрачили лицо нашего путешественника. Он шёл в туалет купейного вагона, продираясь через ряды прильнувших к стёклам в проходе «зайцев». А рыжий пассажир настолько заинтересованно разглядывал иностранца, что умудрился броситься в глаза среди десятков таких же, как он, «любопытствующих», чего-то выглядывавших в окнах, пялившихся на пейзажи, которые видят по сто раз на дню, как будто именно за этим они пришли в вагон, в который у них нет билетов.

– Кто последний? – путешественник был несколько обескуражен, открыв дверь и увидев возле туалета очередь из пяти человек.

– Я буду, – буркнул важный усатый мужчина в сером костюме и с толстым портфелем.

Он показался нашему герою знакомым, будто приходилось видеть его ранее.

– Я покурю тогда в тамбуре, скажете, что я за вами?

– Хорошо, брат, скажу. Иди, кури, – важный повелительно махнул рукой.

Путешественник протиснулся в тамбур. В сизых клубах дыма стояли, сидели и даже лежали на огромных клетчатых сумках люди. При этом собственно вышедших покурить была едва ли треть. Остальные пользовались тамбуром, как купе. Судя по запаху, нужду они справляли там же, в этом лязгающем металлических деталями двух сцепленных вагонов переходе. Это было даже мило с их стороны: они не создавали очередь в туалет для легальных пассажиров и тех, кто заплатил больше проводникам за право ехать вместе с «чистыми».

Мужчина достал сигарету, внезапно перед ним появилась услужливо зажжённая кем-то сбоку зажигалка. Он закурил, протёр глаза от выступивших из-за едкого дыма слёз и повернул голову, следуя за продолжением руки. Вот и профиль в облаках дыма. Это был рыжий.

Путешественник слегка отпрянул, испуганный своим открытием. Рыжий сам не курил, но зато широко улыбался незнакомцу, без тени стеснения демонстрируя гнилые зубы в полной красе.

– Куда едешь, отдыхай-шмандыхай, как тебе, хорошо, всё хорошо, красиво, кушаешь хорошо? – рыжий тараторил без остановки и без интонаций, используя всё своё знание чужого языка и все подбострастные ужимки, которые он сам, очевидно, считал обаятельными.

Путешественник отстранился от наседавшего незнакомца, насколько позволили спины и локти вокруг.

– Спасибо, всё хорошо.

Но так легко отвертеться не получилось, рыжий явно рассчитывал на знакомство и душевную беседу.

– Тебе скучный, наверное, ты с жена, с сын, мужчина скучно такая компания, – глаза рыжего постоянно бегали сразу во всех направлениях, по всем стоявшим вокруг, по лицу, лбу, волосам, шее, рукам собеседника, и никогда не останавливались на его взгляде. – Ты играешь, может, хочешь играть, мы с друзья карты играем, очко, ази, преф, всё играем, будешь играть?

«Та-да-да-дам», – заиграла торжественная и тревожная музыка в мозгу курящего туриста. «Надо же, как ты быстро прокололся-то», – подумал он и настороженно улыбнулся.

– Я благодарю вас за приглашение, но я совсем ни во что не играю, – он старался быть очень вежливым, его предупреждали, что местные – народ диковатый и запросто за обидное слово могли воткнуть нож между рёбер. Особенно осторожным надо было быть в выборе слов, учитывая, что говорит он на малопонятном для многих из них языке. И даже улыбаться нужно было осторожно, потому что и улыбку в некоторых обстоятельствах могли счесть за оскорбление.

Он развернулся и настолько быстро, насколько позволяла толпа, бросился к туалету. Рыжий проводил его до двери, что-то продолжая тараторить, но дальше не последовал за ним.

Важный мужчина с солидными усами и брюшком встретил путешественника недовольным выражением упитанного лица, затем на секунду бросил взгляд ему за спину, ещё более сдвинул брови.

– Ну что, покурил?

– Покурил, – послушно отчитался мужчина, внезапно, с крайне неприятным холодком по коже, ощутив себя не то в офисе, не то в школе – так уж подал себя важный попутчик.

– А у нас нельзя курить в поездах! – под бровями важного разгорался огонь.

– К-как? Вы же сами... Там же полно... – турист всё больше превращался в пойманного за руку полицейским нарушителя, бесправного, безвольного и заранее во всём виноватого.

– Ну, кому можно, а кому и нет. Это наша страна, наши люди могут много что делать, мы между собой договоримся. А ты же иностранец, ты что же, наши порядки не уважаешь?

Ожидающие очереди разом повернулись к беседующей парочке спинами, делая безучастный вид.

«Да уж, выдавливать из себя раба по капле никак не выходит, – мысленно усмехнулся путешественник, и ему сразу полегчало, отпустил гипнотический страх перед пузатым дядей в костюме. – А вдруг разводит? Кто он такой вообще? И рыжий сразу отстал...»

– У тебя документы-то в порядке? – «начальник» решил развивать наступление, судя по всему.

– А вы на каком основании... – робко начал «качать права» представитель офисного народа, но важный его жёстко пресёк.

– Документы, говорю, давай! – яростно рявкнул он.

В туалет решительно расхотелось. Расхотелось вообще всего. «К чертям эту страну с её древними городами, молодежью в трениках и этими пузатыми портфеленосцами!» У туриста начала подбираться жидкость к глазам. «Вот какого, спрашивается, хрена я должен сейчас пресмыкаться перед этим созданием?»

– А вот, видел? – путешественник неожиданно ткнул фигой почти что в самый нос толстому.

Кровь не просто пульсировала внутри, она буквально била в голову, в виски, в горло, в губы так, что грозила отправить внезапно осмелевшего во второй раз в жизни героя в нокаут. В первый раз так и кончилось, когда в школе хулиганы доконали его, он взорвался, что-то кричал, матерился, махал руками, а потом случилось потемнение и частичная потеря памяти. Может, его вырубили противники. Но он запомнил то предшествующее потере сознания ощущение свободы, пусть на мгновения. Оно пьянило больше всего на свете. И это был какой-то луч надежды. И сама потеря сознания была спасением, потому что это оказалось очень легко и совсем не страшно. Он очнулся – а всего этого ужаса уже нет вокруг. Он лежал на асфальте с выпотрошенными карманами, но свободный, уважающий себя человек.

И сейчас адреналина плеснуло в организм столько, что он бы не почувствовал и нескольких ударов ножом. Его глаза налились кровью, он был сильнее, чем когда-либо в жизни, и физически, и духовно. Как крыса, брошенная на съедение удаву, забившаяся в угол, понявшая, что нечего терять и готовая к атаке, способная растерзать врага острыми зубами. Такие случаи действительно бывали в зоопарках мира, и наш герой о них, конечно же, читал – он вообще был весьма образованным человеком, но в тот момент, понятное дело, ему было не до таких околонучных воспоминаний. Лицо свела гримаса, губы не слушались (непонятно, зачем организм такое делает с человеком, готовым к битве, может, чтобы мягкие ткани стали твёрже и меньше травмировались?). Но и об этом не мог думать представитель офисного планктона, выбравший смертельную битву. Он просто через резиновые губы прогудел:

– Остановивай поезд, вызывай полицию, или милицию, что там у вас. Посмотрим, что ты за гусь.

Теперь испугался уже толстый. Гусь он был ещё тот. И милиция первым с поезда сняла бы его самого вместе с дружками, за последние два года наездившими в поездах таким образом лет на двадцать отсидки.

– Э-э! Спокойно-спокойно! Я тебе чё? Я чё? А ты чё? – словно споря с воображаемым собеседником, засуетился он. – Не груби мне! – перешёл на визг. – Я оченна... – приобрёл сильный акцент, – уважаемый человек я!

Нашего начало отпускать. Вместе с этим пришёл и страх. Весь адреналин спрятался куда-то в суставы и заставил дрожать тело. Тряслось всё: колени, локти, челюсть... всё! Глаза осоловели, во рту стало сухо, а голова чуть гудела изнутри и покачивалась в такт поезду: «тук-тук, тук-тук». Могло стошнить.

Он, не говоря ни слова, повернулся к двери в вагон, напоследок одновременно победно, прощально и грозно посмотрел на толстого. Открыл дверь и, не оборачиваясь, бросил максимально презрительно, но уже заметно дрожащим голосом (дрожь, впрочем, не выдавала страха – точно так же дрожит голос у максимально заряженного на бой человека):

– Ладно.

И ушёл.

Он ушёл безусловным победителем. Пьянящая эйфория хлынула на него, как только он закрыл за собой дверь купе. Что-то похожее он испытывал, когда соскользнул в обрыв по мокрому снегу и, лавируя меж острых камней, съехал безо всяких повреждений на дно оврага. Но в этот раз ощущение было на порядок сильнее. В мозгу взрывался большой фейерверк в честь нового героя нашего времени.

Жена слегка остудила этот праздник величия:

– Ничего себе ты писаешь. Час, наверное, прошёл.

Сын хихикнул, ему это казалось всё очень смешным.

Муж глубоко вздохнул, упоение как ветром сдуло.

В дверь вежливо постучали.

Наш ещё минуту назад «герой» дёрнулся всем телом.

– Кто?! – истерично спросил он.

– Я, – слащавым голосом ответили из-за двери.

– И... И что вам надо?

– Чай. Чай я принёсся. И шербет. Угощать вас, наше гостеприимство. Даром, даром, угощать.

– Может, проводник? – спросила жена. – Ну открой, что сел!

Муж послушно открыл. На пороге стоял местный в пёстром халате, держал на вытянутых руках поднос с дымящимся чайником, пиалами и сладостями в чашке.

– О-о-о, давай! – радостно заорал сын.

«О, как зассали! Наверняка толстый прислал его!» – с удовлетворением отметил про себя отец, а вслух как бы обречённо сказал:

– Ну, давай... А от кого это?

– Всем, всем! – радостно закивал лоснящейся головой пёстрый. – Так положено, гостеприимный страна!

Взяли угощение, поставили на стол. Пёстрый удалился спиной назад, как выдрессированный слуга. Выпили чаю, поели сладостей.

Первым упал мальчик, хотя пил меньше всех. Сидел, сидел, а потом просто завалился на бок. Мать дёрнулась к нему, попыталась крикнуть, но голоса не было. Руки были такие вялые, что трудно было их поднять, не то что схватить упавшего ребёнка. Во взгляде женщины читалась паника, но полностью осознать свою беспомощность она не успела – свалилась рядом, головой вперёд. Юбка обнажила крепкую ещё попу, слегка подтянутую шёлковыми, телесного цвета трусами. Муж вперил взгляд прямо туда, в места, не тронутые им уже больше месяца, открыл было рот, чтобы что-то сказать, да и заснул с приоткрытыми глазами – чудная офисная привычка. Он так умудрялся спать на совещаниях, а иногда, не успев выйти из рабочего образа, засыпал так и дома, пугая жену.

Мальчик был скорее в бреду – в голове смешались причудливые картинки и звуки. Стол ехал прямо на него, потом внезапно изгибался, как змея, и полз наверх. «Давай-давай!» – несло откуда-то чужим голосом. Потом вдруг голос родной, давно уже не виданной бабушки: «Иди чай пить!». Что-то сиреневое наполнило на глаза, как будто сверху стекал густой тягучий ежевичный сироп с радужными разводами. Голосов становилось больше, они тараторили на непонятном языке и друг друга как будто не понимали. Потом его словно кто-то трогал. Потом послышались понятные слова в этом многоголосье: «Всё! Всё, говорю! Мёртвый, много сыпаль. Шайтан!» Потом звук потасовки, ругань непонятная. «Выноси! Надо прятать! Скинем, скинем!» Мальчик резко взмыл в воздух, голова откинулась назад, сиреневая пелена ушла, сменившись чёрной, в голове ухнуло, и он отключился.

Глава II. День первый. Аллея героев

Что-то колелось. В руки, в ноги, в шею. Кроме того, болело всё тело, будто его провернули в мясорубке. Ныло в боку, болели локти, лоб. Такое в последний раз было пару лет назад, когда он упал с качелей, раскачавшись до полурвоты...

И он качался. Ощущал, что лежит, но при этом мерно раскачивается, как будто едет куда-то или плывёт. Глаза открывать было страшно. Рядом кто-то беспрестанно бормотал. И вокруг ещё были люди, чужие, и их было много, он это слышал и чувствовал.

Какая-то травинка попала прямо в нос, начала невыносимо щекотать. Он чихнул и открыл глаза. Раздались испуганные крики, а положение его тела вмиг изменилось – ноги ухнули вниз, раздался глухой стук.

Мальчик пытался понять, где он и что происходит. Он был в гробу. Но теперь не лежал, получается, а почти стоял – потому что люди, несшие гроб у ног, в испуге от его «воскрешения» отпрянули, а те, что несли часть с головой, толком ничего не поняли, но испугались тоже, руки их обмякли, но ношу удержали.

Гроб был старым и прогнившим, от него несло сыростью и землёй. Для удобства мертвеца, или, скорее, чтобы тело ребёнка хоть немного виднелось над гробом, его забили сеном. Оно, получается, и колелось.

Ребёнок с трудом поднял руку, толпа шарахнулась, начали раздаваться восторженные стоны. Жутко растрёпанная, устрашающего вида девушка грохнулась оземь. Мальчик присмотрелся – все вокруг были страшные. Очень. С перекошенными лицами, у кого один глаз был больше другого, у кого зубы торчали вперёд, у кого-то головы были неестественного размера или формы. И одеты были подобающе: в одинаковых не то робах, не то пижамах из домотканой грубой ткани светло-коричневого цвета. Сразу вспомнились фильмы про зомби и ходячих мертвецов, расхотелось вообще выбираться из этого гроба. Гроб – волне себе безопасное и удобное место.

– Ты жив? – раздался голос сверху.

Мальчишка извернулся, закинув голову назад. Над ним стоял пожилой дядька, скорее даже дед, хотя точно возраст было не определить из-за почти чёрной, загоревшей на солнце и обветренной кожи. Он выгодно отличался от своих попутчиков. У него были правильные черты лица, красивая седина и прямой нос, который особенно понравился мальчику. У папы нос был картошкой, а у этого – как в исторических книжках про испанских конкистадоров. Мальчик всегда сомневался, что у всех конкистадоров были одинаковые носы, но в книжках рисовали именно так, а он был воспитанным и с книжками спорить не привык.

Он открыл рот, но не смог произнести ни звука. Во рту, оказывается, сильно пересохло, губы отодрать друг от друга удалось с трудом.

– Ну конечно же, ты жив! Зачем я это спросил? – дед, кажется, был вполне удовлетворён беседой с самим собою. – Ты меня понимаешь?

– Да, – голос был настолько слаб, что мальчик сам его испугался.

Задние гробоносцы вежливо опустили прогнивший ящик на землю. Мальчик попытался встать. Тело ныло безумно, он приподнялся на локте. В передних рядах грохнулась ещё одна уродина.

– Дядя, – тихо позвал самый мелкий из семейства «зайцев».

– Да?

– Они понимают по-нашему? – он красноречиво обвёл глазами толпу страшных людей.

– Нет, почти никто. Их не учат, они говорят по-своему... – дед задумался на секунду, – вернее, по-нашему. Это примитивный язык, если ты захочешь, ты его скоро выучишь.

– Почему примитивный?

– Когда-то, очень давно, на нём писались стихи и книги, учебники и научные трактаты. Потом решили избавиться от иностранного влияния, начали со всех заимствованных слов. В итоге наукой стало возможно заниматься только на иностранных языках, искусство изучать – тоже. А сейчас нам и вовсе не разрешено много думать, у нас нет литературы и науки, нам не о чем разговаривать. Поэтому и слов мало. Они нам не нужны. Язык деградировал.

– А почему они такие уроды?

– Моя внучка тоже понимает нас.

– Где она?

– Вот! – дед подвинул прямо к лицу собеседника девочку, такую же уродливую, как и остальные.

Она смотрела огромными на маленьком, перекошенном природой, лице глазами и, казалось, не понимала ничего.

– Прости.

– Не за что! Им не с кем себя сравнивать, все такие. Так что это – норма. Это я, такие старики, как я, и ты выйдим ненормальными, – дед секунду поколебался. – И твои, видимо, родители.

– Мама! Папа! Где они, где? – мальчик вскочил, буквально выпрыгнул из гроба.

– Они живы. Это пока всё, что я могу тебе сказать.

Старик громко что-то скомандовал на незнакомом языке, уродливая молодёжь, кроме его внучки, стала расходиться, прихватив с собою пустой гроб. Мальчик осмотрелся. Всё вокруг было не менее странным, чем жители этого чудного места.

Они стояли посередине широкой и длинной улицы некогда, видимо, большого города: дорога была мощена камнем, и он почти весь был целый, хотя очевидно, что за мостовой очень много лет никто не ухаживал. Треснувшие и рассыпавшиеся булыжники встречались довольно часто, хотя общего вида, надо было отдать должное древним строителям, это особо не портило.

По обеим сторонам дороги виднелись полуобвалившиеся трёх- и четырёхэтажные дома. Жилыми выглядели только первые этажи, перед которыми брусчатка была расковыряна, и на месте этих раскопов росли овощи и зелень. Дорога шла с небольшого пригорка, из-за которого не видно было её начала, и вела неизвестно куда – дальше всё заросло кустами. Деревьев вообще нигде не было видно. Иногда встречались пни. Вдоль дороги стояли столбы. На каждом третьем висел почерневший от времени громкоговоритель, а на натянутых между столбами проводах было развешено бельё.

Но самое интересное было не это. Вся обочина была уставлена памятниками. Конными, в рост, бюстами. Их было не счесть. Некоторые выглядели очень старыми и сделаны были на совесть, красиво, из мрамора и гранита. Другие были поновее, подешевле и пострашнее: уже из песчаника, бетона или гипса, кони были непропорциональные, лица – чрезвычайно грубые, а фигуры – геометрические. Ещё хуже выглядели самые свежие: они были слеплены из глины, некоторые – из необожжённой, и уже разваливались, что их даже красило, настолько убого они смотрелись.

– Дядя? – немного окрепнув голосом спросил мальчик.

– Я тут, – ответил седой незнакомец.

– Это кто? – мальчик развёл руками.

– Это герои.

– Почему у них такие суровые лица? Они все хотят в туалет?

Дед хмыкнул. Неожиданно в беседу вмешалась его внучка.

– Ты очень плохо всё понимаешь! Это – герои! Ты понимаешь? Герои! Они не могут улыбаться!

– Почему? – мальчик растерялся.

Внучка седого дядьки была чуть старше его, но выглядела как дурочка, при этом явно собиралась поучить его жизни.

– А где ты видел героев со счастливыми лицами? Как может герой радоваться, если ему, чтобы совершить подвиг, приходится убивать других людей? – девочка была настроена решительно.

– Разве обязательно убивать, чтобы стать героем? – мальчик хлопал глазами, как маленький, хотя давно считал себя большим.

– Понимаешь, – дед решил сгладить нараставший конфликт между воспитанными в разных культурах детьми, – героем можно стать и спасши кого-то. Но тогда ты станешь героем на один день. Потому что это скучно, на следующий день все про этот поступок забудут и памятника никто не поставит. Запоминаются только самые интересные геройства. А чем больше людей погибло – тем история интересней и геройство больше, понимаешь?

– Не понимаю!

– Ладно, пойдём. Ты будешь жить у меня, пока всё не разрешится.

– Пока что не разрешится?

– Тут всё непросто, ни о чём не спрашивай, умоляю тебя, это ничему не поможет. Твои папа и мама живы, они здесь, но ты их не сможешь пока увидеть. Совет старейшин должен решить вашу судьбу. Но не переживай, ты со мной теперь, я о тебе позабочусь.

Они пошли по этой старой дороге: пожилой, но очень годный мужчина, его слегка искорёженная природой внучка, бойкая, живая, с прямыми ногами и таким же прямым умом, и наш мальчик. Все трое держались за руки. Начинался закат. Большой холм, нависший над городом, возвышался точно на западе, поэтому заходившее солнце село прямо на его вершину, словно насадившись на еле заметную днём, а сейчас ярко высвеченную красно-оранжевым шаром мачту, венчавшую эту возвышенность. Холмы поменьше сплошной грядой опоясывали город и тянулись вдаль и слева, и справа, куда видел глаз.

Глава III. День первый и полвторого. Замок

Путешественница очнулась на шёлковой простыне. Она с трудом приподняла голову, чтобы оглядеться. Простыня местами расползалась от старости, но была чисто выстирана и аккуратно выглажена. Наволочка на подушке и покрывало тоже были шёлковыми, как и ночная рубашка на женщине. И это был настоящий, самый дорогой шёлк, который она когда-либо видела в жизни. Более того, всё это было вышито золотом.

Женщина еле двигалась, всё тело болело, но любопытство придаёт «слабому полу» поистине невиданную силу. Она досконально изучила постель, оцупала вышивку и пришла к выводу, что золотые нити тоже настоящие, таких не делают уже лет сто, и вышивка ручная. Вещи наверняка были антикварными, над ними корпели когда-то златошвейки, про которых она читала только в сказках.

Комната, в которой она проснулась, тоже напоминала о детских сказках, скорее всего, это был зал настоящего замка. Витражные окна, старинная дубовая кровать с балдахином, огромные резные двери, золочёные канделябры и гигантских размеров люстра под высоким потолком. И кругом – картины, картины, картины в массивных позолоченных рамках.

Позолоты и прочего великолепия вокруг было так много, что «мушки» в глазах, и без того прыгавшие от нестерпимой ломоты в голове, только ускорили бег.

– О боже! – выдохнула она.

Голова закружилась, женщина потеряла равновесие и ухватилась за первое, что попало под руку. Это был широкий шёлковый шарф, свисающий сверху, с бахромой на одном конце и большим позолоченным колокольчиком для вызова прислуги на другом.

Тотчас в комнату заглянула служанка в фартуке и чепце белого цвета – тоже, как из книжек или исторических фильмов, правда, внешности не сказочной: её огромная нижняя губа свисала до подбородка. Девушка хлопала глазами, не зная, как себя вести с незнакомкой, затем произнесла какие-то странные гортанные звуки с вопросительным выражением.

Испуганная путешественница подтянула ноги к груди, натянула покрывало по самые глаза и прильнула к спинке кровати.

– Где я?

Служанка исчезла за дверью.

Минуты через три послышались тяжёлые шаги. Дверь отворилась с такой лёгкостью, будто была из картона. В комнату вошёл тучный человек в блестящем выше всякой меры парчовом халате. Голова его была абсолютно лысой, да ещё и натёрта, очевидно, каким-то масляным снадобьем, отчего сверкала. Блестели и его глаза, глубоко посаженные и на заплывшем лице практически пропавшие, выдавали себя они только этим влажным мерцанием.

– Ага! – плотоядно протянул блестящий толстяк.

– Где я? Кто вы? – женщина ещё крепче вжалась в резную спинку кровати, в кожу впились все завитушки витиеватого узора.

– Я тебя купил! – толстяк уставился на неё масляным взглядом, изучая реакцию, довольно ухмыльнулся.

Путешественница судорожно сглотнула. Из глаз одновременно выкатились две одинаковые слезы. На лицо падали лучи света сквозь витраж, и одна слеза получилась синяя, а вторая – красная. Всё золото комнаты сразу заиграло в них. Толстяк залюбовался.

– У нас, конечно, цивилизованная страна. Рабов нет, – решил поправиться он на всякий случай. – Но вы – пришельцы, попали сюда с неизвестными целями. Кто вы, что вы, как с вами поступать – это решит Совет старейшин. А я пока заплачу, чтобы ты осталась у меня. У меня на тебя есть планы.

Толстяк подмигнул и довольно затрясся и захрюкал, смеясь, отчего его лицо задрожало волнами.

– Вы? А где мой сын? Мой муж? Мы вместе попали сюда? Где они? Где мы? – слёзы уже высохли, а в голос женщины стали возвращаться властные нотки.

– Но-но! Ты не знаешь, как со мной надо говорить! Я самый богатый человек в этой стране! И я теперь – твой господин. И от меня зависит, останешься ли ты жить вообще и как ты будешь жить. Я не вхожу, конечно, в Совет старейшин, но я присутствую там незримо, сразу в нескольких лицах, понимаешь? Деньги делают чудеса. Я главный волшебник здесь! – он вновь затрясся в отвратительном смехе всеми жировыми складками и, вытерев парчовым рукавом сползшую с губ слюну, продолжил: – И тебе следует быть со мной обходительной. Ты ладная женщина, у нас таких больше не бывает. Если тебе повезёт, родишь мне или моему сыну детей. Нам нужны здоровые дети. Будешь жить лучше всех.

Толстяк остался удовлетворён испуганным видом затихшей пришельцы, он обернулся к двери, сделал шаг. Задумался на пару секунд и добавил, чуть повернув к ней голову:

– А если ты о мальчике, который был вместе с вами, так он умер. Теперь тебе точно надо подумать о новых детях.

– Как умер? Мой сын умер? – женщина скинула покрывало и приподнялась на руках, пристально, не мигая, глядя на парчовое чудовище.

Замок сотряс дикий крик. «Как... как... как...» – отражалось ото всех стен, звенело в хрустальных люстрах, витражах, золочёных колокольчиках. Толстяк закрыл уши руками и недовольно поморщился.

– Да замолчи ты! – голос его звучал так буднично, что должно было ещё более разъярить нашу путешественницу, но она действительно замолчала, судорожно комкая в руках остатки

только что разодранного в клочья покрывала, потому что иначе она могла не услышать важную для неё информацию. А сейчас любая информация о сыне была для неё важнейшей в жизни.

– Других нарожаешь, делов-то, – богач удивлённо хмыкнул. – А мальчик сразу мёртвый был, когда вас пастух откуда-то в Совет старейшин привёз. Вы, взрослые, выдержали, а он мелкий, хрупкий. Вы упали откуда-то, говорят, что с неба, но я не верю... Совет всё выяснит, конечно. А я тебя сразу забрал, заплатил, кому надо, и забрал. Что тебе там пропадать? Будешь лучше в богатстве жить, такая красавица. А мальчика пастух обещал похоронить сегодня же.

– А муж? – выдавила из себя путешественница.

– А что тебе муж? Тут он тебе не муж: нигде записей нет, обряда не было. Забудь о нём. Совет старейшин на днях решит вашу судьбу, будут слушать Великий голос. Но голос очень тихий и непонятный – они ещё потом совещаются, трактуют его. А Совет мой практически, – богач воровато оглянулся, видимо, были у него всё же сомнения, – решит, как мне выгоднее будет.

Женщина разрыдалась, потом внезапно вскочила, потерянно огляделась по сторонам и принялась что-то лихорадочно искать, переворачивая постельное бельё, заглядывая даже под ковры на полу.

– Где, где моя одежда? Я должна быть на похоронах! Как вы могли хоронить моего мальчика без матери?! – кажется, она впадала в безумие.

– Ляг ты! – грозно окрикнул толстяк, решительно подошёл к ней и с силой швырнул на кровать. – Я не знаю ничего, найдут пастуха мои люди, всё узнают.

– Я должна, я должна! Я должна там быть, я должна увидеть моего мальчика! – сквозь рыдания причитала мать, всё ещё пытаюсь встать, но силы её уже покинули.

– Я сделаю для тебя это. Но ты должна вести себя хорошо!

Толстяк вышел, недовольно хлопнув тяжёлой дверью, люстра закачалась.

Весь день и всю ночь обезумевшая мать то наполняла старый замок криками, то затишала неподвижно надолго. В такие моменты прислуга каждые полчаса заглядывала проверить, не наложила ли пленница на себя руки. В уродливых служанок летели канделябры, картины, подушки, осколки венецианского зеркала в человеческий рост, разбитого голыми руками. Пол был залит кровью, шелка и ковры измазаны. Кровью же из своих изрезанных рук написала она стене напротив кровати, освобождённой от антикварной мази, имя сына. Когда в последний раз она называла его этим именем? Сколько раз не купила ему желанные игрушки? Когда он улыбался ей в последний раз? Каким он мог вырасти? Почему? Почему? Почему?

От еды и от питья она отказывалась и к утру была похожа на многолетнюю узницу темницы. Вся в засохшей крови, с впалыми глазами и чёрными кругами под ними, в разорванной сорочке, без сил лежащая в неестественной позе на полу – такой она предстала перед вызванным богачом доктором.

Врач был из молодого поколения, уже с признаками вырождения на лице. Язык иноземный он знал кое-как, только в той мере, чтобы листать медицинский справочник, оставшийся со старых времён. Прочсть ему там удавалось едва ли треть. Толстые надбровные дуги и жёлтые торчавшие клыки придавали ему зверский вид. Кроме того, доктор был горбат и хромал на одну ногу, которая была короче второй. В руке у него был небольшой потёртый саквояж с сохранившимися от прежних докторов медицинскими инструментами (он оставил только простейшие, предназначение которых удалось узнать) и старыми лекарствами. Из нового с собой доктор носил лишь куски ткани для перевязки, спирт и какие-то травяные настои, что делали ему старушки с окраины, сохранившие рецепты народной медицины.

Доктора сопровождал сам богач. В этот раз он был не в домашнем. На нём был яркосиний шёлковый сюртук и бордовые плюшевые штаны. На голову был водружён иссиня-чёрный парик, намазанный чем-то блестящим, на каждом пальце руки блистал перстень с камнем.

Доктор подсел к обессиленной женщине, нащупал пульс, найдя его с четвёртой попытки. Что-то пробубнил богачу на их, полном непривычных то гортанных, то тягучих звуков, языке.

– Я без тебя вижу, что она живая, давай помогай ей! – прикрикнул на него толстяк и многозначительно посмотрел в лицо женщине, демонстрируя, очевидно, заботу.

– Я давать ей нюхать нашатырь! Она будет живая-живая! – с жутким акцентом и запахом из рта ответил врач и полез в саквояж.

Толстяк, как будто извиняясь, что было ему несвойственно и что делал он так неуклюже (очевидно, впервые за многие-многие годы), обратился к пленнице:

– Это лучший врач в стране. Других нет. Были другие, пятеро. Причём трое из них – потомки пришельцев, которых здесь оставили, когда остальных выгоняли и казнили. Но вот вышла история там... – богач замялся, поглядывая искоса на доктора, видимо, оценивая, что тот сможет понять и потом разболтать. – В общем, Совет старейшин обвинил их в заговоре. Все пятеро не смогли вылечить дочку самого старого и уважаемого члена Совета.

Врач в это время откупорил, наконец, пузырёк и сунул женщине под нос. Нашатырь был выдохшийся, но действие всё же оказал: она скривилась и отвела голову назад, заставив себя чуть приподняться на локтях, закашлялась. Доктор потянулся за ней, намереваясь заставить дышать вонючей жидкостью и дальше, но толстяк отвёл его руку.

– Давай там снадобья свои!

Врач суетливо начал звенеть колбочками с народными настоями, готовя пациентке какое-то пойло.

– Вы узнали? – хрипло спросила женщина.

– Есть у меня для тебя новости! – хитро улыбнулся толстяк и подмигнул ей. – Доктор уйдёт, к этому приступим, а пока делай всё, что он говорит.

Женщина послушно выпила снадобье, омыла руки, лицо, дала обработать раны спиртом, не проронив ни звука. Пока доктор неуклюже обтирал её раны куском не очищенного от семян хлопка, смоченного в спирте, она смотрела на него задумчиво. Потом вдруг резко села, прищурилась и спросила:

– А это вы моего мальчика осматривали? Кто-то же решил, что он мёртв?

Врач несколько секунд переводил в уме её речь, потом осклабился и кивнул.

– Я-я! Я смотрел. Мёртв был совсем. Пульс нет.

– Так вы и у меня сейчас еле-еле пульс нашли! – глаза женщины осветились изнутри надеждой, на щеках появился румянец.

Она резко повернула голову к богачу, а вытянутым пальцем ткнула доктору прямо в нос:

– Он же не понимает ничего, он же самозванец, а не врач! Он мог ошибиться! Срочно, срочно найдите моего мальчика! – она сорвалась в истерику. – Откопайте его, если закопали, срочно! Это надо сделать прямо сейчас! Найдите его! Он жив, он жив! Я это чувствую!

– Уходи, – буркнул толстяк доктору и кивнул на дверь.

Тот поспешно, задом, удалился, собрав в охапку саквояж и склянки, что не успел сложить.

Женщина встала на кровати на колени, заломила руки:

– Я умоляю!

Толстяк рывком развязал шнурок, державший его бордовые лоснящиеся штаны:

– Я всё сделаю, но сначала ты!

– Прошу вас, потом, я обещаю, я всё сделаю, но нельзя терять ни минуты!

Толстяк отправился к выходу, путаясь в упавших штанах, что-то крикнул в коридор на своём языке и плотно прикрыл дверь.

– Всё, сейчас всё сделают. Давай!

Женщина сорвала с себя шёлковые, испачканные в крови лохмотья, легла на спину, раздвинула ноги и крепко зажмурилась.

Толстяк, слава богу, пыхтел не долго, но едва не выдавил из неё душу – его огромные в объёме руки совсем не держали тушу. Закончив, он довольно отвалился в сторону, буквально скатился с кровати, надел штаны и, завязывая шнурок на необъятном поясе, громко сказал:

– А теперь мой сын.

Дверь тотчас открылась, и на пороге появился довольно стройный по сравнению со своим отцом молодой человек в столь же шутовском одеянии: на нём были ярко-лимонные шаровары и зелёный камзол, вышитый серебром.

Женщина открыла глаза, приподняла голову, вопросительно посмотрела на толстяка и заплакала.

– Ну а что? – удивлённо раскинул руки он. – Нам нужны дети. Здоровые нормальные дети. Сейчас такие не рождаются: половина сразу умирает, половина из оставшихся – в первые годы. Все уроды. Мы уже несколько поколений женимся на двоюродных сёстрах, нас вообще всего около пяти тысяч человек, все всем родственники, все перемешались... Или это месть за наши грехи и убийства, как старики говорят – не знаю. Но нам нужна свежая кровь. В себе я не очень уверен, надо использовать все шансы. Дети всё равно будут считаться его, – он кивнул на сына, – так что давай, исполняй свой долг до конца.

Путешественница разрыдалась, согнулась пополам и попыталась прикрыться лоскутами разорванных ею вчера простыни и покрывала.

– Кстати, мы всё выяснили. Твой сын жив.

Женщина сначала выпрямилась, как струна, потом приподнялась, пристально глядя на толстяка. Она хватала ртом воздух, но ничего не могла сказать.

– Потом всё узнаешь. А сейчас дело.

Толстяк вышел, к женщине приблизился его сын, на ходу скидывая с себя одежду. Он попытался её поцеловать, открыл рот. Краем глаза она успела заметить, что на его верхней челюсти зубы росли в два ряда, тут же обмякла и свалилась на спину без сознания. Сынка богача это не остановило.

Когда всё было закончено, служанки отвели её помыться, переодели и накормили. В комнате тем временем уже навели полный порядок. Её там уже ждал толстяк.

– Твой сын у пастуха. Но увидеться ты с ним пока не можешь: Совет постановил, чтобы вы все не общались между собой, пока не будет закончено разбирательство вашего дела. Сейчас спи. Тебе надо выглядеть хорошо – к закату придёт мой придворный художник, будет делать твой портрет. Ты будешь украшать этот дом вечно!

Женщина заснула мгновенно, как только за толстяком закрылась дверь. Это были самые длинные сутки в её жизни.

Глава IV. День первый. Бегемотик

Главе семейства путешественников повезло больше всех, он практически не получил травм, когда их выкидывали из поезда грабители – в этот момент состав совершал крутой вираж и сильно скинул скорость, и мужчине посчастливилось упасть на тук хлопка, видимо, потерянный в этом месте одним из грузовых поездов. Он начал приходить в себя ещё в тот момент, когда их везли в предрассветном сумраке, закинув, как мешки, на лошадь. В голове шумело не только от прихлынувшей крови – отравили какой-то гадостью, которую его, прихвывая к алкогольному яду, печень довольно быстро переработала, но не до конца.

Потом его куда-то волокли, о чём-то совещались, опять грузили... Ясность ума стала возвращаться, когда его начали раздевать. Пелена медленно сошла с глаз, он увидел перед собою двух служанок неопределённого возраста и довольно страшненьких. Они как раз стягивали с него трусы. Мужчина засмутился, прикрыл свои сокровища, чем вызвал у прислуги сначала недоумение, а потом тихие смешки. Та, что была старше и бойчее, что-то ему сказала по-сво-

ему, махнув рукой, засмеялась. Он понял, в общем, и безо всякого перевода: мол, нашёл чем удивить.

Вдруг короткими вспышками начали возникать воспоминания, он вцепился в свои уже стянутые до колен трусы мёртвой хваткой, вызвав очередной взрыв смеха у служанок. Мужчина судорожно ощупал бельё и тихо застонал: кармашек с деньгами был вырван «с мясом», бабушкин фокус не удался... Он обречённо распрощался с одеждой, которую тут же унесли, и проследовал за служанками в помывочную. Ни баней, ни ванной, ни душем это место назвать было нельзя. Это была именно помывочная: пустая комната с деревянными решётками на каменных полах и парой скамей, на которых стояли большие чаны с горячей и холодной водой. Женщины принялись его мыть, как он не сопротивлялся и не демонстрировал самостоятельность. Потом одели в какое-то подобие пижамы из хлопковой ткани желтоватого цвета.

Соображал он всё ещё слабо, да и поговорить было решительно не с кем – никто из встречавшейся на пути прислуги (а её в большом доме оказалось довольно много) не понимал ни слова на его языке. Неопределённость почему-то совсем не терзала – любопытство, видимо, затмило все остальные потуги мозга. Откровенно говоря, выглядел со стороны он ровно как дебил: ходил и озирался с пустыми глазами и приоткрытым ртом (яд действовал на все мышцы угнетающе, он и ноги-то еле переставлял). Впрочем, мужчина хорошо вписался в обстановку – все встреченные им люди выглядели примерно так же, хотя и были, надо полагать, здоровыми.

Его отвели на второй этаж в крайнюю по коридору комнату. Она была довольно просторной. Все окна были зарешечены самыми безобразными решётками, какие только можно представить. Они были словно собраны из ободов для бочек – ржавые и разноразмерные куски железа были между собой где склёпаны, где просто прикручены кусками металла потоньше. Даже наш криворукий банковский менеджер способен был сделать решётку лучше, что он про себя с удовольствием и отметил.

За окном виднелся некогда, видимо, довольно чудный, но сейчас практически заброшенный городок. Домов было много, почти все высотой от двух до четырёх этажей, но едва ли в трети из них угадывалась жизнь. Город был пустынен, на улицах не наблюдалось ни одной живой души и ни одного деревца. Он был больше похож на декорацию к постапокалиптическому фильму. Напротив окон возвышался словно сошедший со страниц учебника по истории средневековый замок. Он был ухожен настолько, что выглядел как игрушечный. Его башни венчали разноцветные флажки.

Не увидев больше ничего интересного, мужчина с удовольствием лёг на кровать и тут же заснул.

Проснулся он уже к закату от голода. Вернее, от запаха еды, который и напомнил организму о необходимости подкрепиться.

Никого в комнате не было, но перед кроватью стоял передвижной столик с глиняным горшочком, из которого шёл пар, глиняной тарелкой с нарезанными овощами и зеленью и здоровым, в половину обычной магазинной булки, куском домашнего хлеба и небольшой хрустальной вазой, которая тут, кажется, считалась большим бокалом и была наполнена красным вином. Мужчина набросился на этот одновременно и ужин, и обед, и завтрак. В горшочке была тушёная баранина с рисом. Было ли всё это вкусным, осознать он толком не успел, поскольку проглотил нехитрые яства со скоростью своего любимого шредера, способного уничтожить целый сейф документов за считанные минуты (этим шредером восхищался весь банк, а руководство попросило на всякий случай себе ключи от кабинета, чтобы иметь к нему круглосуточный доступ).

Мужчина решил немного пройтись. Вид из окна его огорчил: ещё с утра безупречный замок – единственная, пожалуй (кроме еды, разумеется), выдающаяся вещь в этой дыре – был испорчен. Окно напротив зияло разбитыми витражами, а пробоины были наспех заткнуты тряпками.

Путешественник направился к двери. Она оказалась заперта. Его посетили нехорошие предчувствия. Это вообще были, пожалуй, первые проблески мысли за время его присутствия в городке: до того он как-то ни о чём не думал, просто проживая непонятные жизненные мгновения. Эта способность была ещё одним приобретением последних лет, облегчающим существование банковского клерка.

– Эй! Есть кто живой? – крикнул он в небольшую щель между толстой дверью и наличником.

Послышался удаляющийся топот – кто-то чесанул прямо от двери вдаль по коридору.

Он пожал плечами, подошёл к столу, вытряхнул из вазы в рот оставшиеся капли вина и сел в раздумьях на край кровати.

– Что-то как-то не то, – изрёк он самую глубокомысленную фразу из возможных.

Философские терзания прервал жуткий шум – дверной замок, видимо, тут использовался нечасто, при открывании он заскрипел так, что напомнил нашему герою про тяжкие будни узника замка Иф.

В комнате появился франт лет двадцати–двадцати пяти. На ногах у него были лаковые туфли моды примерно начала двадцатого века, а может, тогда и произведённые, просто сохранившиеся в бабушкином сундуке. Брюки были чрезвычайно узки и сильно полосаты, причём довольно консервативную серую полосу перемежали разноцветные: малиновая, лимонная, салатная и бирюзовая. Снизу штанины были подхвачены атласными лентами: на левой ноге – красной, а на правой – зелёной. Пояс был или от смокинга, или вовсе от костюма тореадора – широченный, ярко-красный, тоже атласный. К широкой белой шёлковой рубашке зачем-то был приторочен плюшевый сиреневый воротник, а сверху был надет зелёный бархатный жилет с нагрудным накладным карманом канареечного цвета, и из него торчал огромный пурпурный платок. Всё это безумное количество разноцветных тряпок у молодого человека сочеталось с надменным выражением лица. Мужчина встал, приветствуя посетителя, и непроизвольно с силой провёл ладонью по лицу, будто пытаясь смыть с глаз этот цветовой кошмар. Но кошмар не исчезал, он приблизился вплотную. Любопытный франт в упор разглядывал иноземца – досконально, с головы до ног. При этом, опустив голову, обнаружил тщательно скрываемое уродство: аккуратно уложенные в причёску «под Битлз» («Интересно, а знают они про Битлз?» – успел подумать путешественник) длинные чёрные волосы рассыпались и обнажили карликовые, как у бегемота, уши, торчавшие нелепыми трубочками, причём, чуть ниже положенного для ушей места.

– Я рад приветствовать тебя! – торжественно произнес «Бегемотик» (как его сразу же про себя окрестил наш клерк), и сразу стало очевидно, что язык он учил специально, по книжкам. – Ты упал с неба?

– Нет, но я совсем не понимаю, где я и как здесь оказался. Помню только, что меня кто-то вёз на лошади.

– Это пастух, он вас нашёл.

– Значит, здесь же и моя семья? Моя жена, сын, где они?

– Здесь. Но где – тебе не надо знать и спрашивать.

– Почему?

– У нас не принято задавать лишних вопросов. Так решил Совет.

– Какой Совет? – мужчина виновато потупился. – Извини, если это лишние вопросы, но ты должен меня понять: я оказался чёрт знает где, один, потерял семью, не знаю, какой сегодня день...

– Мы не ведём счёт дням.

– Как это? – банковский клерк был в ужасе.

– А какой в этом смысл? Этот обычай давно отменили, потому что как ни считай, всё время получается что-то не то – планы не сбываются. Поэтому мы отменили календарь и отменили планы. Мы просто ждём новых сезонов года и решений Великого голоса.

– Какого голоса?

– Великого. Нашей страной управляет Великий голос из-за холма, мы – избранные. А повеления Великого голоса трактует для народа Совет старейшин, собрание самых заслуженных и мудрых людей... – Бегемотик гордо подбоченился и вытянул вверх подбородок. – Кстати, мой отец – член этого Совета.

– Ясно, – обречёно выдохнул мужчина. Его мозг пытался самоотключиться, как в банке на самых дурацких совещаниях, когда несли примерно такую же ересь. Только недюжинным усилием воли путешественник вернул себя в реальность. Тут же он осознал, что всё это время, пока он боролся с собственным сознанием, фронт ему что-то увлечённо рассказывал.

– ...поэтому счастье в нашей благословенной отчизне ниспадает на её жителей справедливо, в зависимости от социального положения, заслуг предков и чистоты крови до двенадцатого колена. Я и сам чувствую дыхание высшей справедливости и нескончаемую мудрость Великого голоса, со временем я займу место отца в Совете, а сейчас старательно учусь, чтобы отличаться от низших слоёв не только яркой одеждой, но и ярким умом.

– Ага, – стремясь поддержать разговор, кивнул мужчина, – очень похвально, просто замечательно, особенно про чистоту крови. Слушай, а точно никак нельзя разузнать про мою семью? Я же места себе не найду и говорить ни о чём с тобой не смогу, всё время про них буду думать...

Фронт немного поколебался, но перспектива лишиться интересного собеседника была более пугающей, чем нарушение запрета, о котором никто и не узнает.

– По решению Совета вас разделили, чтобы вы не могли между собой общаться до того, как вас решат допросить.

– Допроси-и-ить? – глаза путешественника округлились.

– Ну да. Необходимо определить степень вашей опасности для нашего государства.

– Да какой, на хрен, опасности? Особенно от ребёнка? Пацан вас чем напугал?

– Пацан?

– Ну, сын мой, мальчик. Отдайте его матери или мне.

– Это решит Совет. Он сначала посоветуется сам, потом допросит вас по очереди, а потом вынесет предварительное решение и запросит утверждения у Великого голоса – такие у нас процедуры, так велит Великий устный закон!

– У вас что-нибудь не великое есть? – наш заметно раздражался.

– Тсс! – фронт приложил палец к губам. – Так нельзя. За святотатство может последовать незамедлительная расправа, такие преступления наказываются без разрешения Великого голоса, так установлено Великим устным законом, одобренным Великим голосом.

Путешественник ругнулся. Фронт, ясное дело, ничего не понял, но интонация ему не понравилась, он недовольно скривился.

– За твоим мальчиком присматривает пастух, не переживай. Сначала вообще решили, что мальчик умер, но пока ты спал, пришло известие, что он жив. Ему разрешили остаться у пастуха.

– У пастуха? И почему же мне не переживать?

– Пастух – уважаемый в народе человек, хотя и низкого происхождения. Он бывший учитель, много знает... – фронт на секунду задумался о некоем несовершенстве мироздания, позволившем какому-то пастуху знать больше, чем ему, чистому до двенадцатого колена. – Очень много.

– Если говорить с ним нельзя, то хоть посмотреть-то на него можно?

Бегемотик застыл в замешательстве. Он и правда не знал, как быть в ситуации, отдельно не оговорённой Советом старейшин, ведь про «посмотреть» речи не шло. Обычно в таких случаях в их стране было принято перестраховываться. Если, например, Совет сказал, что такому-то человеку нельзя разговаривать неделю, ему отрезали язык, потому что то, что он потом должен заговорить, Совет не постановлял. Тут, по идее, раз нельзя им общаться, то и встречаться нельзя – вдруг они о чём-то договорятся знаками, кто знает хитрые уловки этих пришельцев? Но, с другой стороны, этот иноземец замучит его расспросами и не будет общаться на важные темы, не расскажет ничего о мире там, за холмом...

– Возможно, я смогу это устроить, но только с одним условием: вы не должны встретиться взглядами, иначе это может быть расценено Советом как общение. Ты просто на него посмотришь и всё, идёт?

– Идёт! – неожиданно легко согласился мужчина и протянул Бегемотику руку.

Тот с удивлением посмотрел на протянутую незнакомцем ладонь, потом что-то выкопал в памяти из чужеземных книжек, просиял:

– А, так у вас принято закреплять договор! Да?

– Ну да, да, – путешественник потряс в нетерпении ладонью.

Франт опасливо её пожал, потом достал из кармана пурпурный платок и тщательно протёр свою ладонь, нисколько не смущаясь собеседника, – про это, видимо, в книжках ничего написано не было.

Глава V. День второй. Кровавые истории

Пастух ни секунды не сомневался, можно ли выводить мальчика на улицу. Совет сказал ясно и чётко: нельзя допустить, чтобы семейство между собой общалось до допросов. Старик понимал всё точно так, как было сказано, и не придумывал лишнего. Из-за этого, в общем-то, он и стал пастухом. Овцы на него не могли донести.

Перед рассветом он привычно выгнал отару в степь, оставил на попечение собак и вернулся домой дожидаться пробуждения гостя. Когда мальчик проснулся, они позавтракали сыром и хлебом, выпили чай и решили прогуляться по городу.

Пастух жил на самой окраине, где жались друг к другу жалкие неприглядные хижины. Дальше стояли только кошары, небольшая конюшня и псарня.

– А где твои овцы?

– Они не мои, это овцы горожан.

– Ну какая разница, ты же за ними присматриваешь. Так где они?

– Пасутся.

– Сами?

– Собаки присматривают, чтобы они не разбежались и не потерялись.

– А если украдут?

– Тут некому красть.

– У вас такие честные люди живут?

– Нет, просто всех чужаков давно уничтожили или прогнали, а наши сограждане исправно докладывают Совету о любых явных или возможных преступлениях соседей.

– Как уничтожили? Убили?

– Да.

– А за что?

– Бывает так, что людей просто убивают, потому что они – другие.

– Не бывает так! Должна быть какая-то причина!

Старик остановился, обернулся.

– Видишь, во-о-он вдалеке видны обгоревшие развалины? Там был городок. Чужой. Мы жили рядом столетиями. Но однажды у нас появился Великий вождь, и он велел этот городок и всех его жителей – мужчин, женщин, стариков, детей – уничтожить. Потому что, как сказал вождь, они оказались врагами, просто долго маскировались. Это и была причина.

– А кто убивал?

– Все.

Пастух замолчал и долго шёл, погружённый в мрачные воспоминания, мальчик его не тревожил.

– К тому времени это был единственный оставшийся населённый пункт чужих. Остальные племена в нашей долине уже были уничтожены, а наш народ научился убивать без сомнения и дрожи в руках. А эти чужие были очень мирные, и к ним никаких претензий никогда не было, поэтому и зажились тут.

– А к другим были?

– У людей всегда друг к другу много претензий. Ты действительно хочешь узнать эту грустную историю?

– Конечно! Ты очень интересно рассказываешь и ты добрый. Ты мог бы быть учителем, я бы у тебя с удовольствием учился!

– А я и был учителем.

– А почему перестал?

– Я не сам. Видишь ли, учитель – это важная должность, он формирует сознание будущих граждан страны. А все важные должности в нашей стране должны занимать прямые отпрыски членов Совета старейшин.

– Почему?

– Так решил Совет.

– М-м-м, – мальчик не смог сказать ничего внятного, но очевидно было, что ответ его не устроил.

– Понимаешь, мы подходим к началу той истории, что я хотел тебе рассказать. Сейчас ты спрашиваешь про конец истории. Он тебе будет непонятен, но я всё равно расскажу его, потому что дети нетерпеливы. Ты выслушаешь и поймёшь, что надо слушать с начала.

– Хорошо.

– У нас была Большая война. Наши предки избавились от всех пришельцев (так у нас называют таких людей, как твоя семья – из далёких стран), потом от других племён здесь, а потом и от всех внутренних врагов. Пока шла священная война, не было времени на образование. Тем более что оно было у нас на языке тогдашнего врага. Когда война закончилась, выяснилось, что выросло целое поколение людей, которые не могли ни читать, ни писать, ни считать. Стало очевидным, что всё, что ещё осталось, скоро разрушится. Решили вернуть образование. Но тогда обнаружилось, что практически не осталось людей, способных обучать. Ведь все учебники были на языке пришельцев. Тогда Великий вождь, который правил тогда нашей страной, постановил, что все испытания закончились и мы должны построить новый порядок. Отныне все жители нашей страны были поделены на людей чистой крови и помешанных (это те, у кого в роду до двенадцатого колена был пришелец или человек из другого племени). Людьми чистой крови были признаны вождь, вся его семья и семьи его приближенных. Самое забавное, что к тому моменту мы все уже были родственниками – после войны и чистки нас осталось слишком мало. Тем не менее случилось то, что случилось: для всех семей были составлены официальные родословные, их заперли в секретной комнате в здании администрации Великого вождя, а комнату опечатали. Отдельно – чистых, отдельно – помешанных. Отныне образование на языке пришельцев и все важные должности были доступны только людям чистой крови, а помешанные признавались людьми низшего слоя и им предписывалось получать образование на нашем деградировавшем, ставшем примитивным языке, у которого даже нет письменности.

Детей низшего слоя постановлялось учить только три года самым общим вещам: иноземному алфавиту, чтобы могли читать вывески и ценники, сложению-вычитанию и другим азам математики, чтобы могли понимать приказы хозяев, ну и каким-то знаниям об окружающей природе, чтобы ничего не испортили, что им не принадлежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.